

РЕЙС В КРЫМ ЗА ПРЕЗИДЕНТОМ ГОРБАЧЕВЫМ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

чами, несущими свою бессрочную вахту в защиту демократии. Я сижу в машине Силаева, рядом с ним. Не умолкает телефон. После десяти стран намерены приехать в аэропорт, а мы пробираемся сквозь баррикады. Москвичи заглядывают в окна лимузина, узнают Силаева, аллодируют, приветствуют его, а он в открытое окно их. И говорит коротко: «Яди таких миллионов стоит жить». Потом трасса, и на всем пути бесконечная колонна танков. Бесконечная, сотни... Кто выстрелит?

— Ничего не было. Но только я был полностью лишен связи, отключен, а с суши войсками. В общем, была полная и абсолютная изоляция. Но и в этих условиях я действовал и доводил свои требования до внешнего мира через тех, кому удалось общаться со мной. Моей охране было дано указание открывать немедленный огонь по тем, кто пытался пробраться сюда, и так защитить меня, мою семью, преданных мне людей.

— Как же это могло случиться?
— А вот это уже вопросы для пресс-конференции на завтра. И для расследования соответствующих компетентных органов.

— Состояние вашего здоровья — это был только предлог?
— Да, вообще это полная чепуха. Грубейший подлог.
— Чего они требовали от вас?
— Потерпите.

— А зачем приехали сегодня?
— Потерпите. Одно могу сказать, я не пошел ни на какие сделки. И твердо заявил, что ни в каких авантюрах участвовать не буду. Более того, требую срочного созыва Съезда народных депутатов СССР или Верховного Совета. Только они должны решать все вопросы.

— После любого иного шага я должен был бы или просто покончить с собой...
— Это конец переворота?
— Думаю, что авантюра провалилась окончательно. Общие трудности заставили все республики искать согласия. И оно крепнет. Поэтому авантюра не получилась. Мы не напрасно поработали эти шесть лет. Наше общество стало другим. Кстати, и армия в своей массе тоже: не пошла против народа и не пойдет.

— Где сейчас Янаев?
— Янаев? В Москве. Я думаю, что после моего возвращения в Москву мы начнем действовать. А вернуться я в ближайшее время. И раз вы добрались сюда, приглашаю вас всех на пресс-конференцию в Москве.

Узнать, как жила наша Президент эти дни, было невероятно трудно. По крупным собранная информация скудна, возможно, и не совсем точна. 18 августа, в воскресенье, полностью «оголохла» связь, перестали поступать газеты, отключился телевизор. И в этот же день якобы приехали посланцы от ЦК КПСС. А на следующий день пожаловала четверка из ГКЧП... Плененный Президент не сдался, но как рассказали мне, был один момент, когда он, сидя с семьей на террасе, вдруг закрыл лицо руками, встал и стремительно вышел...

Но с нами, журналистами, он был уже абсолютно спокоен. Больше в эту ночь с 21 на 22 августа я его не видела. Вместе с коллегами из Франс Пресс, И. Сичкой из «Ивнешей» или подпольной «Комсомольской правды» мы оказались несчастливыми, и битый час просидели под фарами «Жигулей» на какой-то площадке под горой, расшивывая диктофонную запись, которой не было в тот момент чины. Уйма милиции и людей в штатском никак не могли отправить нас на аэродром, где стоял готовый к вылету в Москву самолет Силаева, охраняемый российскими ОМОНами. Зато мы увидели, как мимо нас на огромной скорости стали проноситься одна за другой черные машины. Увозят Горбачева!

А вскоре вспомнил и о нас. В ночной громаде военного аэродрома стоял «задранный» самолет Силаева и ревел моторами. Я лишь увидела в иллюминаторе лицо... В. Крючкова. Силой огня самолет Президента СССР оказался без своего хозяина — М. Горбачев предочел не рисковать и вылетел с семьей в Москву тем же самолетом, под охраной российского ОМОНа. Мы добрались в столицу к утру и все новости узнали из программы телевидения. Теперь их знают все.

Да, редко кому из журналистов выпадает такая удача — участвовать в освобождении Президента собственной страны. Лучше бы чужой. Хотя все равно, не дай Бог. Мы пережили жуткую, но короткую трагедию. За то, что она была короткой, слава москвичам, погибшим и оставшимся в живых, спасая оплот и надежду россиян — российский парламент. Слава Ельцину Борису Николаевичу, сумевшему управлять страшной ситуацией и вместе с депутатами победившему. Путь захлебнулся также благодаря твердости Президента Горбачева — шайке заговорщиков не удалось его сломить. С возвращением, Михаил Сергеевич, мы ждали Вас...

Александра ЛУГОВСКАЯ, обозреватель «Союза» (специально для «Известий»).

ТРЕХЦВЕТНЫЕ ФЛАГИ НАД ПЛОЩАДЬЮ СВОБОДЫ

Много трагического и исторически значимого видела в эти дни площадь перед Домом Советов Российской Федерации. Накануне вечером, когда здесь проходила митинг, один из ораторов назвал ее площадью Согласия, поскольку здесь, пожалуй, впервые в одно единое слились российский народ и Российская власть.

22 августа 1991 года стал здесь днем торжества, днем победы демократии над реакцией. Встреченный бурной оацией москвичей, заполнивших площадь, ближайших скверы и еще не разобранные баррикады и заграждения, Президент России Б. Н. Ельцин объявил, что нынче ночью, в 22 часа прекращена деятельность антизакононого государственного комитета по чрезвычайному положению. Попытка круто изменить направление развития страны, свергнуть ее в чужую пачину и произвола провалилась.

Но демократия нуждается не только в восхвалении, но и в защите. Президент России объявил о решении руководства республики создать Национальную гвардию России, и такое поручение уже дано вице-президенту. Звучали над площадью довольно жесткие призывы к возмездию, высказывались требования о национализации партийного имущества, а также средств массовой информации, перешедших на службу к путчистам. Государственным фла-

СЛОВО ПРИ РАЗБОРКЕ БАРРИКАД

СЕЙЧАС, когда путч заговорщиков провалился, среди высших должностных лиц страны выискиваются самозваные бесстрашные герои, благодетели и спасители нации. Один из них, оказывается, все эти дни общался с членами ГКЧП и «по-товарищески» увещевал их, призывая к благоразумию и соблюдению умеренности во избежание большого пролития крови, в общем, учили волков пастись травкой... Другое ставят себе в заслугу то, что воздержались пригнать к заговорщикам. Третьи толкуют о своем молчании как о большом вкладе в победу.

Подобных борцов и благодетелей Отечества будет, как водится, чем дальше, тем больше... И только на все времена останутся неизменными три имени погибших на подступах к Дому России. И еще одно имя человека, взявшего на себя всю меру опасности и ответственности в те — теперь это слово произнесем без всяких натяжек — судьбоносные дни: Борис Ельцин, Президент России. Это он и его соратники не просто проявили верность присяге и народу, не просто проявили эту верность, рискуя всем — карьерой, свободой, самой жизнью, но и про-

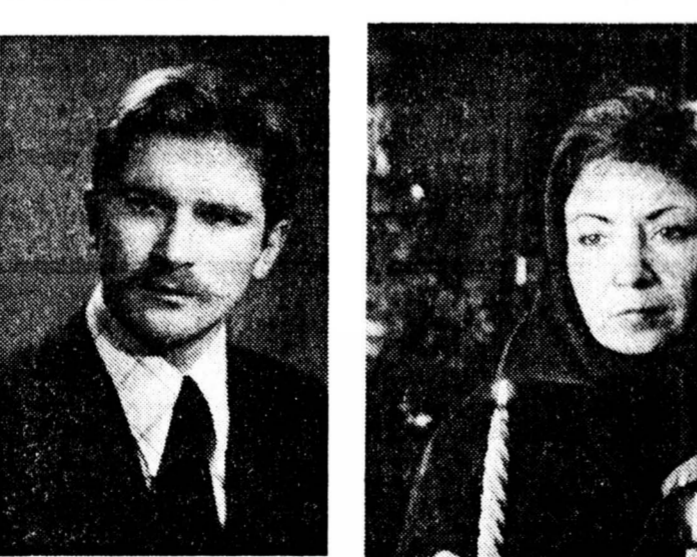
явили ее морально безупречно, политически грамотно, профессионально умело. А это очень важно, потому что действовали они, по сути, в условиях, приближенных к фронтовым, где точность и целенаправленность решений, бесстрашие и быстрота реагирования на ситуацию значили порой так много, как всегда в главных сражениях. Сегодня страшно подумать, что

было бы, если бы восторжествовала эта хунта, символизировавшая агонию тоталитаризма, агонию партикоммунистической идеологии. Один из видных большевиков в 1917 году говорил, что если они не победят, то так хлопнут дверью, что содрогнется весь мир. Нынешние заговорщики, достойные наследники своих предшественников, тоже хотели бы «так» хлопнуть дверью. Но у них, слава Богу, не вышло: хлопая стало нечем: дверь москвичи разобрали на баррикаду. Пусть теперь хлопнут чем хотят.

Но в какой же чудовищной близости от бездны мы были эти три дня, которые потрясли мир! Теперь каждый знает, кому мы, народ, Отечество обязаны спасением «от концлагерей, подавления инакомыслия, ночных арестов», избавлением от «стус-тишки» туч террора и диктатуры» (слова из обращения Б. Ельцина к военнослужащим от 19 августа 1991 года).

Избранные народом, российский Президент и его соратники стали еще и избранными всеобщей судьбы. Это поминем счастье, что к роковому моменту испытаний у нас в России был всенародно избран законный Президент и что он оказался способен не поддаваться ни на какие провокации, избежать ареста и обеспечить руководство движением сопротивления. Это поминем счастье, что мощно организованным силам хун-

ВЫ ЖЕРТВОЮ ПАЛИ...

СЕМЬДЕСЯТ тысяч наших сограждан собралась та, теперь уже историческая, ночь в едине человеческое кольцо вокруг «Белого дома» на набережной. Трое из них, как стало известно утром, уже никогда не вернутся домой. И каждый из семидесяти тысяч, как может, предвидел для себя такой исход. Все эти люди сами выбрали для себя место в той ночи, сделав елиный выбор, ну, а потом, оказалось, уже выбрала смерть.

Кто они, эти трое, на кого пал страшный выбор? Понятно, сутки — слишком короткий срок, чтобы разобраться во всех обстоятельствах и деталях, а последние скоропальные выводы никому не

Фамилии двух других погибших установлены.

Комарь Дмитрий Алексеевич, 23 лет, доставлен в морт оттуда же, с улицы Чайковского. Он — житель Московской области, Истринского района, деревня Рычково. Удалось узнать, что он — «афганец» (там выжил, а вот здесь погиб). Родителям уже сообщили эту страшную весть и сегодня, 22-го августа, они приедут к главному судмедэксперту Московского военного гарнизона с документами сына за справкой о смерти. Предварительный диагноз бригады ночной «Скорой помощи»:

«Несовместимая с жизнью травма». Получена, со слов милиции, под Калининским проспектом в тоннеле. Конечно, мы расскажем и об этом парне все, что сумеем узнать: с его родителями пока связаться не удалось.

Третий — Усов Владимир, москвич...

Ужасно вторгаться в дом, откуда только позавчера 37-летний сын ушел живым и невредимым и где сейчас заставлены черным зеркалом, и мать, сидя на незастеленной кровати, вспоминает последние минуты, когда сидела за столом на кухне, он быстро глотал обед, торопился на работу.

Второй день страна была во власти кучки заговорщиков-авантюристов, и Софья Петровна сказала, помня, как близко гостиница «Белград», где расположено Володино СП, то Белого дома:

— Прощу тебя, никуда не ходи.

Не зря настожились. Уж кто-кто, а она-то знает сына: его главное качество — «инстинкт защиты» каждого слабого, жертвы. Он не будет рассуждать, оказавшись рядом. Такой с детства, со школьных лет. «Всё и всех выручатель» — слова жены, Людмилы Николаевны.

После смерти человек всегда видится лучшим, чем был на самом деле. Однако тут — другой случай, совсем другой. За-

платил кровью, жизнью за преступление хунты истинно прекрасный человек, добрый, великодушный. Прошлую ночь Марина так и не сомкнула глаз. В прошлое воскресенье на даче папа таскал ее, девятиклассницу, на плечах. «У них — необыкновенная любовь».

...Да, так как оно было? За столом и отец не удержался, астерг. А ведь он, Александр Арсентьевич Усов — контр-адмирал в отставке, в прошлом штурман, командир полподполком командир соединения на Тихом океане, а перед пенской службой в генеральном штабе ВМФ — никогда не разрешал себе охранять сына от опасности. Как все, Володя отслужил армейскую службу, тоже на флоте. И все-таки в то утро отцовская душа была не на месте:

— Ты, того, смотри... С вашего семнадцатого этажа не больно высовывайся. Какую-нибудь лихому снайперу не мозоль глаза...

Он убежал, притхавшись с собой бинокль и портативный приемник — это, мол, просто так, вдруг проголодаюсь, вы ничего в голову не берите, ну мало ли что, отрезкут Кутузовский проспект от нашего проспекта Мира... Несколькими раз звонил домой. Он обычно по несколько раз в день справлялся, что дома, как Марина, что заработала на уроках, как здоровье заболелшей тещи. Ну, неправдоподобно хороший сын, муж, отец, зять.

В. РОМАНЮК.
Фото В. МИЛОСЕРДОВА,
С. СМЕРНОВА,
Ф. ХРУПОВА.

А. АСАВСКИЙ.

